

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЖОРДЖ
БАЙРОН

Паломничество
Чайльд-Гарольда

МОСКВА

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Б18

Художественное оформление серии
Н. Ярусовой

Байрон, Джордж Гордон.

Б18 Паломничество Чайльд-Гарольда / Джордж Байрон ; [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-229635-2

«Паломничество Чайльд-Гарольда» — романтическая поэма Джорджа Гордона Байрона, рассказывающая о разочарованном молодом аристократе, покидающем родину и отправляющемся в странствия по Европе. Путешествие героя становится поводом для глубоких размышлений о свободе личности, исторической судьбе народов, войнах, тирании и духовных поисках человека. В образе Чайльд-Гарольда воплощен типичный байронический герой — одинокий, мятежный и скептически настроенный к миру. Произведение стало одной из ключевых вех европейского романтизма. В книгу также включены другие поэмы автора.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-04-229635-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПАЛОМНИЧЕСТВО
ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬДА

О странствиях Джорджа Гордона Байрона и «Паломничестве Чайльд Гарольда»

Это прекрасное бледное лицо — моя судьба.

Леди Каролина Лэм

Никто из современных ему поэтов не проникся так глубоко идеей самодержавия героя, никто так последовательно не проводил принципа индивидуализма. И вместе с тем никто не прочувствовал так глубоко мировой скорби, как он, и, кроме него, никто не умел придать ей такого ослепительного поэтического облика.

Нестор Александрович Котляревский

Трудно преувеличить влияние Байрона: черты его героев (так похожие на его собственные) — вольных изгнанников, очаровательных мизантропов и отчаявшихся гениев: Чайльд Гарольда, Дон Жуана, Каина, Манфреда — наследуются персонажами по сей день. Сверкающая личность поэта озарила умы творцов по всему миру и при его жизни и, преодолев границы поколений, продолжает волновать после смерти. Легко представить, что декабрист Рылеев перед казнью читал именно Байрона; не подлежит сомнению статус «властителя дум», данный ему Пушкиным; закономерное и определение Белинского, назвавшего Байрона «Прометеем века».

Джордж Ноэл Гордон Байрон, родившийся в 1788 году, накануне Великой французской революции, остро сознавал, что живет в беспрецедентную, по его выражению, «гигантскую и преувеличенную» эпоху. Но так он выразится аж в 1822-м в письме Вальтеру Скотту, будучи зрелой, состоявшейся личностью, а в конце XVIII века это «толстый застенчивый мальчик» из Саутвелла (Шотландия), еще и хромающий, вызывающий жалость, как отмечают биографы, даже в провинциальной Англии. Но именно в этом ребенке, позже преодолевшем телесные недостатки (Байрон — одержимый водой пловец, превосходный наездник и боксер), возрастет дух, который бросит вызов не только условностям литературы, при этом лишь укрепляя ее классические оплоты, но и самой судьбе, став воплощением романтизма, навсегда изменив ландшафт европейской культуры.

Биография Байрона, вопреки его собственным утверждениям, неразрывно переплетена с его произведениями, в особенности с «романом» (именно такое обозначение давал автор своему произведению, действительно лишь дающему очертания внятной, но не разрешенной фабуле, в котором главный герой — мелькающий силуэт в буре лирических пассажей самого автора) о Чайльд Гарольде. «Паломничество Чайльд Гарольда» родилось из не самого уникального обстоятельства — гран-тура, иначе — обязательного финального этапа в образовании молодого аристократа. Но поражает время, на которое пришлось учебное путешествие: предпринято оно в разгар Наполеоновских войн (1809–1811 гг.). Это вполне соответствует бесстрашию и опрометчивости Байрона. Преданность идеалам свободы, которая вела, многие скажут, безрассудного молодого человека по морю и по жизни в конце пути обернется гибелью в борьбе за независимость греческого народа. Но сейчас — только его начало, впечатляющее публику настолько, что в 1812 году, с публикацией первых

двух песен «Паломничества», Байрон, по своему собственному выражению, «просыпается знаменитым».

Поэму открывает посвящение юной Ианте, которая описывается как нераскрывшийся бутон, воплощающий одновременно надежду на прекрасное будущее и трепет перед ним. Трепет, тревогу, ведь грядущие перемены могут необратимо изменить существующий порядок. Для повествователя, «старика» (двадцатичетырехлетний Байрон писал о девятнадцатилетнем Гарольде — не удивительно, что над «Паломничеством» посмеивались старшие читатели: «Так молоды, так много повидали!»), девочка становится спасением, ведь он не застанет ее увядания. Все путешествие предваряется сердечным стремлением, которому, по счастью, суждено навсегда таковым остаться, не достигнув конца. И эта удача сродни везению авантюриста, что боится проигрыша пуще смерти, но любит сам процесс игры больше жизни.

Эхо этого обращения к юности мы еще услышим ближе к кульминации путешествия, когда Байрон пронзительно обратится к своей недавно рожденной дочери Аде — попросит ее помнить об отце после его ухода. Ну а сейчас на манер путевого дневника в первых двух песнях «Паломничества» устами своего героя, такого же молодого аристократа, странствующего по Португалии, Испании и Греции, поэт размышляет о мучительном контрасте между славой Античности и бедностью настоящего, о разрушительных последствиях войны и, конечно, о молодости, чести и любви.

Важно отметить, что, покинув Британию, Чайльд Гарольд не перестает быть носителем британского мировоззрения. Его восприятие чужих краев неотделимо от его национальной идентичности. Уже в Португалии, созерцая местные дворцы, кресты и руины, мыслями он обращен к истории великих империй и судьбе его собственного отечества, чьи грубые следы обнаруживаются на чужой

земле. Эта рефлексия перерастает в острую критику, когда Байрон, описывая тяготы войны для мирных жителей и поддержку партизанской борьбы, обрушивается с гневом на своих соотечественников (что произойдет еще не раз в «Паломничестве»). Причиной тому становится позорный, с его точки зрения, Синтрский договор, после которого британцы предоставили свои корабли для эвакуации войск французского генерала Жюно, фактически помогая врагу.

При этом удивительно, но в первых песнях поэмы Байрон, то ли сдерживаясь, то ли предоставляя себе время для более вдумчивого анализа, ни разу не упоминает Бонапарта. А ведь Наполеон — пламенная звезда столетия, главный кумир поэта, с которым связаны восхищение и разочарование, надежда и рок, — озарял сердце и разум лорда на протяжении всей жизни. Еще подростком в школе он яростно защищал свой бюст полководца от нападков сверстников, презрительно называя их «подлыми приспособленцами». Учитывая, что в 1803 году Наполеон I уже был объявлен врагом Англии, эта демонстрация — довольно рискованный жест сродни выходке теккереевской Бекки Шарп, пугающей подругу-англичанку возгласами «Да здравствует император!».

Поэт гордился, что они с Бонапартом, как он говорил, «единственные публичные персоны, делящие инициалы N. V.». Когда Байрон во второй раз и уже навсегда покинет Англию после чудовищного скандала в 1816 году, подобно полководцу он вынужденно отступит под натиском обстоятельств. И сделает это в копии наполеоновского экипажа, который, несмотря на свое бедственное финансовое положение, закажет за пятьсот гиней (эту сумму он так и не заплатит). Поэт изменит лишь цвет кузова с синего на зеленый, но намеренно сохранит императорскую монограмму — из-за нее лорду запретят въезд во Францию.

Таково начало его странствия по Европе, из которого ни он, ни Гарольд уже не вернуться. В этот период написаны и опубликованы песни III и IV, с которыми поэма претерпит глубокую трансформацию. Спустя шесть лет после публикации первых двух частей байроновский Чайльд Гарольд, по-прежнему разочарованный и мятежный, возвращается в Англию, чтобы вновь убедиться в своей непримиримой чуждости высшему обществу. Охваченный неимоверной тоской, которую лишь на время может заглушить любовная страсть и суэта светских сборищ, он отчаянно пускается в путь вновь.

Байрон переживал поражение Наполеона как личную трагедию, что отразилось во множестве произведений автора. Как о бедствии он пишет о битве при Ватерлоо, куда приводит его новое путешествие. Стоя посреди «могилы Франции», он в язвительном отчаянии обнажает контраст между мнимым героизмом победы и ее кровавой человеческой ценой: «Стой! — ибо ты топчешь Империи прах!». С горечью нарекая исход битвы «победой, творящей королей», Байрон четко выражает свою позицию: разгром Французской империи и восстановление ненавистной ему монархии Бурбонов не стоили жизнью почти пятидесяти тысяч солдат.

В заключительных песнях «Паломничества» центральной фигурой размышлений становится Наполеон, который, «даже потеряв власть, пугал мир эхом прежней славы».

Другой доминантой заключительных песен становится возвышенное, проявленное в природе. И если в третьей песне «Чайльд Гарольда» ускользающая истина отыскивается за пределами цивилизации — в первозданной мощи гор, то песнь четвертая устремляется к ее другим вершинам: к величию Древнего Рима и наследию Ренессанса. Именно здесь, в размышлениях над руинами былого могущества, вызывает ключевая для Байрона мысль: осмыс-

ленное человеческое существование само может стать произведением искусства, высшим проявлением культуры. Символом этой двойственной природы цивилизации — созидающей, но и угнетающей — для поэта становится Венеция. В его стихах она предстает одновременно как непрерывность и как распад, как мощь и как тленность человеческих творений:

В Венеции на Ponte dei Sospirì,
Где супротив дворца стоит тюрьма.

Но куда же подевался Гарольд? Известно, что в оригинальной версии поэмы героя звали Чайльд Бюрюн, что прямо указывало на автобиографические истоки текста. Однако в процессе работы Байрон не просто отказался от игры со своим именем и дистанцировался от героя — в финале он вовсе оставил Гарольда за рамками повествования, уступив место собственному голосу. Эта внутренняя эволюция превратила произведение, по выражению Александра Веселовского, в подлинную «лирическую исповедь». Поэма сама по себе стала верным спутником Байрона, нравственно взрослея и видоизменяясь вместе с ним на протяжении восьми бурных лет, что превратило ее в уникальную автобиографическую летопись. Согласно наблюдению Веселовского, от начала и до конца она неуклонно стремится к «воплощению действительности, личной и общей», независимо от воли самого автора. Результатом является уникальный сплав интимного и всеобщего, где классическая спенсерова строфа служит формой для современного аффекта, а само повествование пребывает в постоянном движении между личным переживанием, историей и вечными философскими вопросами.

Строки из «Космополита» — «Мир подобен книге, в которой прочитывается лишь первая страница», вынесенные в эпиграф к начальным песням, — точно отражают

суть современного прочтения всего «Паломничества». Эта метафора предвосхищает принцип неоконченной поэмы: она подобна миру, который невозможно «дочитать» до конца. Неоконченность усугубляет и отличие «Паломничества Чайльд Гарольда» от творений современников Байрона — перманентное жанровое разрастание. Произведение представляет собой зыбкий сплав автобиографических заметок, путевых впечатлений, авантюрного романа, политической насмешки, живописных картин дикой природы и экзотических мест, исторических отступлений, вставных поэтических посвящений и даже эпитафий. И все это на фоне постоянного движения мироздания в виде стихийных изменений времени и пространства.

Новаторство Байрона, создавшего «поэму необычайной силы», как охарактеризовал ее один из первых читателей Вальтер Скотт, заключено и в свободе поэтического выражения, подрывающего общепринятые ненавистные благородному духу устои, и в приглашении читателя в странствие, не имеющего ясного финала (сегодня мы можем сравнить его с модернистскими опытами, намеренно незавершенными и фрагментарными). Но главное, что следует помнить, читая «Паломничество Чайльд Гарольда», — перед нами необходимый текст эпохи, наступившей после Французской революции, выражение нового желания свободы и вместе с ним дотоле неведомого мятежа и совершенно особенной тоски непримиримого ни с чем разума.

Предисловие к I и II песням

L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne ma point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, mont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues».

— Le Cosmopolite¹

Нижеследующая поэма была написана большею частью среди той природы, которую она пытается описать. Она начата была в Албании, а все относящееся к Испании и Португалии составлено по личным впечатлениям автора, вынесенным из пребывания его в этих странах, — вот что следует установить относительно верности описаний. Пейзажи, которые автор пытается обрисовать, находятся в Испании, Португалии, Эпире, Акарнании и Греции.

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. — «Космополит» (фр.).

На этом поэма пока останавливается: по приему, оказанному ей, автор решит, следует ли ему повести за собой читателей далее, в столицу Востока, через Ионию и Фригию; настоящие две песни написаны только в виде опыта.

Для того чтобы придать поэме некоторую связность, в ней изображен вымышленный герой — лицо, совершенно не претендующее, однако, на выдержанность и цельность. Мне сказали друзья, мнением которых я очень дорожу, что меня могут заподозрить в намерении изобразить в «Чайльд Гарольде» определенное, существующее в действительности лицо; ввиду этого я считаю своим долгом раз и навсегда опровергнуть такое предположение: Гарольд — дитя воображения, созданное указанной мною целью. Некоторые мелкие подробности, чисто местного характера, могут дать повод к такому предположению, но в целом я, надеюсь, не дал никакого основания для подобного сближения.

Считаю почти лишним указать на то, что название Чайльд в именах Чайльд Ватерс, Чайльд Чильдерс и т. д. я употребляю потому, что оно соответствует старинной форме стихосложения, избранной мною для поэмы. Песня «Прости» (*Good Night*) в начале первой песни навеяна песней *Lord Maxwell's Good Night* в *Border Minstrelsy*, сборнике, изданном г. Скоттом.

В первой песне, где говорится об Испании, могут встретиться некоторые незначительные совпадения с различными стихами, написанными на испанские сюжеты, но совпадения эти только случайные, так как, за исключением нескольких заключительных строк, вся эта часть поэмы была написана на Востоке.

Спенсеровская строфа, как это доказывает творчество одного из наших наиболее чтимых поэтов, допускает самое разнообразное содержание. Д-р Беатти говорит по этому поводу следующее: «Недавно я начал писать поэму в стиле Спенсера и его размером и собираюсь дать в ней